

Лин Цзыхань шёл по саду в одиночестве, глядя на распустившиеся цветы: белые магнолии, розовые персиковые соцветия, алые розы, жёлтые форзиции, лилии, ирисы, стрелиции, тюльпаны... Почти каждый вид он узнавал. Цветы беззаботно распускались во всей красе, и было им совершенно всё равно, видят их или нет, растут ли они в глухом ущелье или в шумном городе. Их горделивые позы под солнцем были полны небрежного высокомерия, отчего Лин Цзыхань не мог сдержать лёгкой улыбки.

Он неспешно прошёл сквозь цветочные массивы и вышел на центральную площадь. Здесь находился огромный музыкальный фонтан, окружённый выложенной плиткой абстрактной композицией. Вокруг стояло множество резных скамеек для отдыха посетителей. Но главной особенностью площади были несколько сотен белых голубей. Они мирно сосуществовали с людьми: каждый день туристы фотографировались с ними, многие покупали зерно, чтобы покормить.

Лин Цзыхань тоже приобрёл у края площади два пакетика зерна, нашёл свободную скамейку, сел и безмятежно принялся кормить голубей.

Птицы были прекрасны: белоснежное оперение, чёрные блестящие глазки. Воркуя, они слетались к нему: кто садился на скамейку рядом, кто смело взлетал на колени или плечи, а кто, взмахнув крыльями, парил в воздухе, пытаясь склевать зёрнышки прямо из его ладони.

Глядя на этих голубей, суесящихся, словно дети, Лин Цзыхань невольно рассмеялся.

Увлёкшись, он купил ещё с десятков пакетиков и так просидел, забавляясь с птицами, совсем забыв о времени.

Прошло неизвестно сколько времени, когда рядом с ним кто-то присел.

Он обернулся и не смог сдержать улыбки:

— Папа, как ты выбрался сюда?

Лин И взял с его колен пакетик зерна и, подбрасывая зёрнышки голубям, улыбнулся:

— Проведать тебя зашёл.

Лин Цзыхань, естественно, не стал спрашивать, как отец узнал, где он. Вообще-то, он давно подозревал, что едва ли найдётся на свете что-то, чего бы его отец не знал. Лин И в его глазах достиг почти божественного уровня: всё в этом мире было в его власти, и ничто не выходило из-под контроля.

Выслушав отца, он улыбнулся:

— У меня всё хорошо, только силы ещё не совсем вернулись.

— Дело не только в физических силах, — улыбнулся Лин И, и в глазах его мелькнула искорка отеческой нежности. — Ты слишком измотан, нужно как следует отдохнуть, а то директор Тун на меня рассердится.

— Дядя Тун, — Лин Цзыхань рассмеялся с искренней радостью. — Он и правда обо мне заботится, и что удивительно — совсем тебя не боится. Поистине выдающийся человек.

— Что за слова? Разве я такой страшный? — Спокойно взглянув на него, Лин И по-прежнему

мягко улыбался. — Кстати, вечером ты свободен?

— Свободен, а что? — Лин Цзыхань скормил последние зёрнышки и отряхнул ладони.

Лин И просто сказал:

— Поужинаем дома.

Лин Цзыхань тут же ответил:

— Хорошо.

— Тогда пойдём, — Лин И поднялся.

Только тут Лин Цзыхань заметил, что солнце уже клонилось к закату. Он провёл здесь почти целый день, так ничего и не поев.

Отсюда было недалеко до Двора Мэйюань, и Лин И с Лин Цзыханем решили прогуляться пешком, направившись домой плечом к плечу.

В памяти их не было таких неторопливых мгновений, проведённых вместе отцом и сыном. Хотя оба молчали, на душе у них было легко и спокойно.

Позади, на почтительном расстоянии, следовали несколько телохранителей Лин И. Они лишь бдительно следили за обстановкой вокруг, не мешая им.

Дома их ждал ужин на двоих. Их домработница Чжао Сяолань недавно вышла замуж; её муж был садовником в Дворе Мэйюань и жил в отдельной комнатке при дворе. Молодожёны устроили свой скромный дом в тесном помещении, но жили счастливо. Лин И, давно привыкший к одиночеству, разрешил ей уходить домой после того, как обед будет готов.

После ужина Лин Цзыхань убрал со стола и отнёс посуду на кухню, загрузил её в посудомоечную машину, а затем вернулся, сел в гостиной и составил компанию отцу за чаем.

Лин И поднялся наверх и принёс чёрную бархатную шкатулку с золотой окантовкой. Небрежно протянул её сыну и сказал бесстрастным тоном:

— Государство тебя наградило.

Лин Цзыхань уже получал множество самых разных наград и медалей, в том числе и от иностранных правительств, которые через дипломатические каналы передавались ему отцом лично. Но такой он видел впервые. Со спокойной душой он принял шкатулку и открыл её.

Внутри лежала медаль «За доблесть Республики» — высшая награда для особо отличившихся.

За двадцать семь лет с момента учреждения в стране этого высшего знака отличия её удостоились всего восемь человек. Семеро из них получили её посмертно, и лишь один оставался в живых.

По привычке Лин Цзыхань протянул палец, коснулся рельефного узора на медали, затем закрыл крышку и спокойно произнёс:

— Папа, я помню, первым эту награду получил ты. Что ты тогда чувствовал?

Лин И задумался, и на губах его появилась улыбка:

— Это было двадцать пять лет назад. Мне тогда было двадцать девять, я был незрелым. Получить такую высшую награду — я тогда очень волновался. Не был таким спокойным, как ты сейчас. Сын, ты превзошёл меня.

Он редко хвалил сына, и такие слова были высшей степенью признания.

— Нет, мне до тебя далеко. Ты столько лет работаешь, а я ни разу не видел, чтобы ты выглядел уставшим. А я чувствую усталость. Стыдно.

— Нечего стыдиться, причина не в тебе, — тихо сказал Лин И. — Если уж кому и должно быть стыдно, так это Люй Синю и мне. Последние два года ты не отдыхал ни дня, работал на износ, а так нельзя. Завтра ты официально получишь уведомление: три месяца отпуска и премия. Используй это время, чтобы как следует отдохнуть, постепенно прийти в норму и как можно скорее вернуться на прежний уровень.

Будь это раньше, даже будучи человеком сдержанным и аскетичным, Лин Цзыхань обрадовался бы. Он мог бы как следует повидаться с Лэй Хунфэем, а если подвернётся возможность — отправиться в путешествие, вволю насладиться красотами природы. Но сейчас он чувствовал лишь апатию. Такой длительный отпуск выпадал ему впервые, и он даже не знал, чем его заполнить.

Подумав, он всё же сказал отцу:

— Хорошо, я постараюсь восстановиться.

Лин И, казалось, понимал его состояние, но не проронил ни слова на эту тему, лишь мягко заметил:

— Вэй Тяньюй тоже получил такую же награду. Он сейчас всю переделывает свою машину, да ещё в интернете взламывает какую-то новую программу противодействия слежке. Занят, и, похоже, вполне счастлив. Можешь зайти к нему.

— А, хорошо, — Лин Цзыхань представил, как Вэй Тяньюй возится у себя дома, и невольно улыбнулся.

Лин И видел, что в спокойных глазах сына таится лёгкая тень грусти, и на сердце у него стало тяжело. Ему захотелось обнять его, утешить, но, помедлив мгновение, он сдержал порыв, лишь протянув руку и слегка похлопав его по плечу.

Лин Цзыхань, кажется, кое-что понял. Отец, вероятно, хорошо знал о его чувствах к Лэй Хунфэю, знал и о том, что эти чувства иссякли, даже понимал, что он переживает. Просто они оба привыкли к молчанию, поэтому никогда об этом не говорили — и, возможно, никогда не заговорят. Он не хотел показывать свою слабость перед отцом, поэтому сменил тему:

— Кстати, что слышно про Юэ Вань?

<http://bllate.org/book/16287/1468427>